

ТИСАТО АБЭ

Да здравствует ворон!

Ятагарасу

Тисато Абэ

Да здравствует ворон!

«Издательство АСТ»

2017

УДК 821.521-312.9
ББК 84(5Япо)-44

Абэ Т.

Да здравствует ворон! / Т. Абэ — «Издательство АСТ»,
2017 — (Ятагарасу)

ISBN 978-5-17-155118-6

Знакомые нам герои выбрали каждый свой путь: кто-то стал телохранителем и приближенным истинного Золотого Ворона, кто-то прислуживает его супруге. Одни поставили на службу стране свою силу и навыки, другие – ум и знания. И все же сомнения не отступают: не напрасно ли сто лет назад Ямаути отвергла своего бога, в чем предназначение ятагарасу, мстить ли Ямагами за погибших друзей, рискуя всем народом?.. Запретные ворота открыты, и ятагарасу лицом к лицу столкнулись со своими страхами. Ужасные обезьяны и чудовище, пожирающее людей: может быть, кто-то подменил божество, когда-то создавшее Ямаути? Молодой господин тщетно пытается вспомнить свое прошлое, надеясь, что в нем – ключ к спасению...

УДК 821.521-312.9

ББК 84(5Япо)-44

ISBN 978-5-17-155118-6

© Абэ Т., 2017

© Издательство АСТ, 2017

Содержание

Словарь страны Ямаути	6
Персонажи	8
Глава первая. Открытие ворот	10
Глава вторая. Обвинение	28
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Тисато Абэ Да здоровствует ворон!

#####

IYASAKA NO KARASU
Chisato Abe

Russian translation Copyright is arranged with Bungeishunju Ltd., Tokyo and Tuttle-Mori Agency, Inc., Tokyo

Copyright © ABE Chisato 2017.

All rights reserved.

Originally published by Bungeishunju Ltd., 2017

Cover illustration by NATSUKI

© Румак Н.Г., перевод на русский язык, 2023

© ООО «Издательство АСТ»,

ООО «Реанимедиа ЛТД.», 2023

Словарь страны Ямаути

Ямаути

Мир, по преданию созданный горным божеством Ямагами-сама. Управляет этой страной род Сокэ, его старейшина зовется Золотым Вороном. А власть над землями в разных ее частях поделили между собой четыре аристократических семейства – Восточный, Западный, Южный и Северный дома.

Ятагарасу

Обитатели мира Ямаути. Вылупляются из яиц, могут обращаться в птиц, но обычно предпочитают человеческий облик. Аристократов, особенно тех, что живут в Тьюо, называют «мия-карасу», что значит «благородный ворон», торговцев – «сато-карасу», то есть воронами-поселенцами, а простой народ из провинции, который работает в поле и занимается ремеслом, – «яма-карасу», горными воронами.

Запретные ворота Кин-мон

Ворота, которые ведут на священные земли, где обитает Ямагами. В зале у ворот стоят гробы всех прошлых Золотых Воронов.

Дворец Сёёгу

Ранее в нем жил молодой господин – сын правителя из дома Сокэ и наследник престола, который станет следующим Золотым Вороном. После переезда двора здесь разместили казармы.

Дворец Окагу

Подобно тому как в Токагу живут супруга и наложницы правителя, в Окагу поселяют претенденток на звание жены наследника – дочерей влиятельных аристократов, таким образом представив их ко двору. Обычно ту, на которую наследник обратит свой взор, выбирают ему в супруги. Получив титул госпожи Сакуры, она управляет дворцом.

Рёунгу, дворец Защиты от облаков

Когда-то в этом тихом месте стояло множество храмов и святилищ, куда перебирались принявшие постриг благородные вороны, однако после очередного вторжения обезьян сюда из Тьюо перенесли двор и перевезли многих ятагарасу.

Танияй

Теневое сообщество, где разрешены веселые кварталы и игорные дома. Полностью самостоятельная организация, которая существует отдельно от легального мира, но при этом подчиняется установленным правилам.

Ямаути-сю

Личная гвардия дома Сокэ. Кандидаты в высшие военные чины проходят суровое обучение в академии Кэйсоин, и лишь те, кто продемонстрировал выдающиеся успехи, получают статус телохранителей.

Кэйсоин

Академия, где обучают Ямаути-сю. Юношей принимают сюда на воспитание, после чего они продвигаются в обучении, последовательно получая статусы «семечек», «побегов» и «стволов».

Уринтэн-гун

Войско под командованием главы Северного дома, созданное для защиты Тюо. Иногда его также называют «Ханэ-но-хаяси», Лесом крыльев.

Персонажи

Надзукихико – молодой господин, наследник престола. Рожден в доме Сокэ и правит племенем ятагарасу как Золотой Ворон.

Юкия – когда-то служил у молодого господина пажом, позже стал лучшим выпускником Кэйсоин и был принят в Ямаути-сю. Внук Гэнъи – главы Северного дома и командующего Уринтэн-гун.

Масухо-но-сусуки – дочь Западного дома, несравненная красавица. Прежде стремилась занять место официальной супруги молодого господина, но по собственной воле отказалась от мирской жизни и стала главной придворной дамой у Хамаю.

Хамаю – госпожа Сакура. Официальная супруга молодого господина. Дочь Южного дома, высокая, мужеподобная. В детстве одно время жила при храме как простолюдника.

Нацука – единокровный старший брат молодого господина, настоятель монастыря Мэйкёин. Уступил статус наследника молодому господину, однако его мать, строившая интриги с целью вернуть престол сыну, и ее окружение когда-то пытались убить молодого господина.

Рокон – телохранитель Нацуки, священник в монастыре Мэйкёин.

Сумио – служит в Ямаути-сю, глава отряда телохранителей молодого господина. Простолудин по происхождению, однако проявил выдающиеся способности к наукам и военному делу.

Сигэмару – служит в Ямаути-сю. Близкий друг Юкии со времен Кэйсоин. Крупный телом, однако добрый по характеру, пользуется всеобщей любовью.

Акэру – приближенный молодого господина. Младший брат Масухо-но-сусуки. До своего ухода из Кэйсоин учился вместе с Юкией и другими.

Тихая – служит в Ямаути-сю. Молчаливый и неприветливый. Во время учебы в Кэйсоин Акэру с друзьями спасли его вместе с младшей сестрой от серьезных неприятностей.

Итирю – служит в Ямаути-сю, сэмпай Юкии. Во время учебы в Кэйсоин жил в одной комнате с Юкией, Сигэмару и Тихаей.

Харума – служит в Ямаути-сю, кохай Юкии. Во время учебы в Кэйсоин был похищен обезьянами, но вскоре спасен.

В некое время

долго лили дожди, и все поля – рисовые и суходольные – оказались испорчены. Жители деревни не знали, как быть, и обсуждали, нельзя ли что-нибудь сделать, чтобы солнце снова вышло. В это время к ним обратился Ворон:

– Привет вам. Я вижу, дела ваши плохи. Если накормите меня, я попрошу Ямагами-сама и сделаю так, что небо прояснится.

Жители деревни были готовы ухватиться за любую возможность, поэтому поделились с Вороном своей едой, и случилось невероятное: темные тучи тотчас разошлись в стороны.

С тех пор, когда жителям деревни нужно было солнце, они всегда просили об этом Ворона. Со временем тот так растолстел, что как-то раз не удержался в воздухе и упал в озеро. Видевшая это Обезьяна захохотала:

– Ну-ка, ну-ка! Если будете кормить не Ворона, а меня, я попрошу Ямагами-сама и сделаю так, что небо прояснится.

Когда жители деревни

сделали так, как сказала Обезьяна, небо действительно прояснилось, поэтому теперь они стали обращаться к ней, но и Обезьяна вскоре растолстела и упала с дерева. Видевший это Ворон тоже посмеялся над ней.

Поняв, что жадничать плохо, Ворон и Обезьяна договорились делить между собой обязанности. Говорят, что с тех пор, когда жителям деревни нужно было обратиться к горному божеству, они подносили угощения Ворону и Обезьяне поровну.

Из «Легенд родной земли, услышанных и записанных», «Рассказ о Вороне и Обезьяне, прислужниках Ямагами-сама»

Глава первая. Открытие ворот

Неяркие весенние лучи бросали белый отблеск на раскрытый учебник, лежавший на письменном столе. Юкити поднял голову и со стоном потянулся. Ему долго пришлось разбирать мелкие буквы, поэтому глаза болели, словно в них насыпали песка. Он решительно встал, протянул руку и раздвинул дверь – прохладный ветерок ласково коснулся его щек.

На заднем дворе цвела сакура. Под солнечными лучами каждый тоненький нежно-розовый лепесток сверкал так, что глазам было больно.

На его родине горная сакура широко раскидывала ветви и цвела пышным цветом, привыкшая к свободе и раздолью. Здесь же ухоженные деревья смотрелись столь утонченно, что казалось, даже упавшие лепестки подлежали строгому учету. Вместе с тем еле уловимый аромат в прохладном воздухе рождал в памяти образы набеленных благородных дам при дворе: красивые и желанные, они, однако, смотрели надменно, и подойти к ним было не так-то легко.

Скоро уже начнется обучение в Кэйсоин, академии, где готовили Ямаути-сю – гвардию дома Сокэ. Ее успешно окончили дядя и старший брат Юкити. С тех пор как мальчик сдал вступительные испытания, он переехал в Тюо, где находился на попечении обитателей придворной усадьбы Северного дома. Вместе с воинами он тренировался, а когда противника не находилось, штудировал учебники, над которыми три года корпел брат.

Книги вовсе не выглядели потрепанными и ничем не уступали новым. Юкити вздохнул, вспомнив брата: отдавая их, тот как бы между делом сказал, что запоминал все после первого прочтения.

Вдруг снаружи раздался голос:

– Юкити! Иди-ка сюда!

Это был Киэй, который и пригласил мальчика остановиться в усадьбе. Юкити быстро выскочил на улицу: у главных ворот оживленно шумели. Рядом с Киэем он увидел того, кого только что вспоминал.

– Братец Юкия!

– Малыш Ти! Готов ехать? – с улыбкой спросил брат, который был старше Юкити на пять лет.

Когда-то Юкия производил впечатление кроткого и спокойного мальчика, потом вытянулся, подрос и стал приятным юношей. Густые черные волосы, собранные в узел, а на лаково-черном уэ выделяется алый шнур и отличный меч, украшенный золотом. Глядя на великолепную фигуру молодого человека, трудно было поверить, что это тот самый мальчишка из Тарухи.

– Привет! – Из-за спины Юкии приветливо выглянул друг брата, Сигэмару.

Этот казался огромным, как медведь, и несколько лет назад этих двоих можно было принять за отца и сына, настолько бросалась в глаза разница между ними. Однако теперь, когда Юкия вырос, они уже больше походили на друзей. Симпатичный нос картошкой, ласковые круглые черные глаза – Сигэмару с самой первой встречи понравился Юкити.

Великан гордо заявил:

– Наконец-то объявили результаты состязания Сёрэй¹. Теперь твой брат официально станет тактиком Кэйсоин.

– Правда?!

В число знатоков воинского искусства входили тактики Ямаути-сю, офицеры Уринтэн-гун и отошедшие от дел специалисты по военному делу, которых приглашали на заседания штабов независимо от их происхождения и места службы. Выдающихся же мастеров тактики и стратегии назначали наставниками в Кэйсоин, чтобы обучать воспитанников.

В чрезвычайных ситуациях всех специалистов вызывали в главный штаб, где представители Ямаути-сю и Уринтэн-гун вместе управляли войсками. В прежние времена любые разногласия военачальников рушили систему, но сейчас высший пост Уринтэн-гун занимал князь Гэнья, родной дед Юкии. Поэтому назначение Юкии в штаб снимало противоречия между двумя войсками и, похоже, было выгодно и тем и другим.

Киэй радостно заявил:

– Позволь еще раз поздравить тебя. Ведь в последнее время в штаб отправляли таких ничемных людей, что следовать их указаниям было пыткой. Я горжусь тем, что выбрали тебя.

– Благодарю. – Юкия с улыбкой ответил на слова Киэя без всякого зазнайства, и Юкити охватило какое-то странное чувство.

У них с братом были разные матери. Мать Юкии, которая умерла сразу после его рождения, принадлежала Северному дому, и ее сын приходился Киэю двоюродным братом, а мать Юкити когда-то ей прислуживала. Выросший в семье мачехи Юкия раньше терпеть не мог, когда говорили о его родстве с Северным домом, при этом на его лице даже появлялось отвращение, но с какого-то времени он перестал сопротивляться.

– В Кэйсоин будешь учиться у собственного брата, Юкити, – заявил Сигэмару.

Услышав это, задумавшийся было Юкити ахнул.

– Не хочешь быть его учеником? – заботливо спросил великан, и мальчик тут же замотал головой.

– Я всегда знал, что у брата выдающиеся способности.

Он был вовсе не против уроков от Юкии, да они и так наверняка частенько будут видаться в академии.

Когда ятагарасу осознали всю опасность обезьян-людоедов, которые научились проникать в эти земли через гору Тюо, Кэйсоин отдали в распоряжение Ямаути-сю. Двор и власть переместили из столицы в Рёунгу, а во дворце молодого господина и в Кэйсоин разместили военных. В Рёунгу всем заправлял истинный Золотой Ворон – молодой господин и наследник престола Надзукихико.

Золотым Вороном называют представителя дома Сокэ, которому подчиняются все ятагарасу в Ямаути. Однако истинный Золотой Ворон – создание особенное. Он обладает всем, что необходимо для правления страной, но рождается лишь раз в несколько поколений, и пока его нет, обязанности правителя выполняет его воплощение. В нынешнюю эпоху истинным Золотым Вороном считали Надзукихико, а воплощением – его отца.

Воспользовавшись суматохой после очередного вторжения обезьян, наследник взялся руководить переездом двора и, таким образом, сумел захватить реальную власть. И теперь,

¹ Об этом рассказывается в четвертой книге цикла, «Ворон из пустого гроба».

когда он открыл запретные ворота Кин-мон, а нынешний правитель ни в коей мере не стремился выйти на сцену и взять управление страной в свои руки, все чаще раздавались голоса за официальную передачу престола. Об этом заговорили даже священники. Притом правой рукой молодого правителя стал не кто иной, как старший брат Юкити – Юкия.

– Ты ведь сегодня не дежуришь, верно? Что будешь делать? Если не занят, можешь идти, – сказал Киэй, и Юкия поблагодарил его.

– Спасибо. Мне нужно здесь кое-что забрать. – И он поглядел на служанку с довольно большим свертком. – Мне привезли лечебную настойку из Тарухи. Говорят, она придает силу...

Киэй кивнул и осведомился:

– Для госпожи Сакуры?

– Да. Схожу навещу ее.

Супруга молодого господина, госпожа Сакура, вот уже десять дней как слегла. Первое время, услышав эту новость, все оживленно судачили: уж не понесла ли она? Но, судя по всему, причиной действительно было просто плохое самочувствие.

Одновременно с двором на соседнюю гору перевезли и весь дворец Окагу, которым заправляла госпожа Сакура. Поговаривали, что ей теперь приходится ютиться в храме, который намного меньше ее прежних покоев.

– Благородным дамам, наверное, тяжело приходится в горном жилище. Если мы можем что-то для нее сделать, не стесняйся, говори, – как-то задумчиво предложил Киэй, и Юкия серьезно кивнул.

– Думаю, госпожа Сакура будет очень рада. Что ж, позвольте откланяться.

– Передавай привет Его Высочеству. А банкет в честь твоего назначения мы еще устроим. Не подведи!

– Конечно! Ну, бывай, Юкити.

– Учись как следует! – приветливо помахал рукой Сигэмару, и они вдвоем с Юкией вышли за ворота.

Раньше никто и помыслить не мог, что брат будет общаться с высокородными господами, а теперь это стало для него обычным делом. Да и привычка домашних считать его бестолковым теперь казалась немыслимой. Юкити страшно радовался и гордился тем, что брат добился признания, но в то же время легкая грусть чуть тяготила его сердце.

* * *

Глядя на провожавшего их взглядом Юкити, Сигэмару серьезно пробормотал:

– Сразу видно – братья. Вы так похожи!

Юкия вздрогнул и взглянул в лицо друга:

– Что ты врешь, Сигэ! Никто, кроме тебя, такого не говорил!

Чертами лица Юкия резко отличался от своих двух братьев. Конечно, ничего удивительного в этом не было, ведь у них разные матери, и он часто слышал: «Да вы совсем непохожи». А вот обратного еще никто не говорил.

Сигэмару не понял, чем так рассердил Юкию.

– Знаешь, сначала я не заметил, но твой братишка сейчас совершенно такой же, как ты при нашей первой встрече.

– Правда, что ли?

– То ли голосом, то ли общим настроением... Думаю, он будет все больше и больше походить на тебя. А чего ты так взъелся?

Юкия пожевал губу. Вот поэтому-то ему и нравился Сигэмару, способный без всякой задней мысли высказать что-нибудь эдакое.

– Ладно, пойдем.

Он откашлялся, пытаясь отвлечь внимание друга, и с шорохом распустил поясной шнур. Повесив меч и ленту на шею, Юкия перекувыркнулся и обернулся птицей. Сверток он ухватил средней лапой, а двумя другими оттолкнулся от земли и взлетел. Сигэмару тоже оборотился, и они вдвоем полетели на запад, словно скользя вдоль крутого обрыва с его усадьбами на платформах.

Похоже, на самой вершине шел снег: сверху дул холодный ветер и вокруг заплясали редкие белые хлопья. Попавшийся навстречу дозорный, увидев мечи и ленты, отсалютовал с коня и улетел. Больше они никого не встретили, хотя еще совсем недавно здесь можно было увидеть местных жителей в ярких одеждах и купцов, доставляющих товар. Как все изменилось!

Под ними проплыли усадьбы аристократов и кварталы развлечений, а дальше начался девственный лес. Когда поредела и зелень, у самого пика горы Рёундзан, что возвышалась к северо-западу от Тюо, показались бесчисленные храмовые постройки – Рёунгу. Именно сюда перенесли двор сразу после того, как стало ясно, что обезьяны-людоеды пришли со священных земель близ вершины горы Тюо.

На горе с давних времен стоял монастырь Рёунъин: все воплощения Золотого Ворона удалялись туда после отречения. Рядом выстроили женский монастырь Сиунъин для знатных дам из семьи правителя, оставивших мирскую жизнь, и постепенно вокруг возникло множество храмов. В отличие от горы Тюо, которая была застроена усадьбами аристократов, эта гора считалась местом удалившейся от мира знати, и с какого-то момента Рёунъин и Сиунъин стали называть просто Рёунгу.

Еще год назад здесь царила тишина, а теперь множество лавок и шатров стояло по обе стороны аккуратных дорожек к храмам. Первое время многие аристократы, узнав об обезьянах, пытались укрыться в отдаленных районах страны. Однако, когда воплощение Золотого Ворона с супругой перебрались сюда, большинство последовало за ними и обосновалось в храмах Рёундзан благодаря протекции кого-нибудь из родственников. За ними стали собираться и те, кто почуял поживу, и теперь почти весь призамковый город Тюо тоже переехал сюда.

Когда впервые заговорили о переезде двора в это место, Юкия и другие сторонники молодого господина все как один выступили против: Рёунгу находился слишком близко к тому пути, которым приходили обезьяны. Если люди действительно хотели обезопасить себя, лучше было покинуть центр страны и искать убежища в провинции. Однако это заявление молодого господина и его гвардии не нашло отклика.

Землями в разных частях страны Ямаути управляли четыре дома: Восточный, Южный, Западный и Северный. Они вели свое происхождение от четырех детей первого Золотого Ворона. Чиновниками при дворе также служили, как правило, выходцы из тех же родов, и в каждом ведомстве заправляла та или иная клика. Для того чтобы правитель перебрался в провинцию, нужно было выбрать какой-то из четырех домов, но каждый настаивал, чтобы двор оказался именно на их земле и нигде больше.

Очевидно, благородные вороны и приверженцы наследника очень по-разному воспринимали наступивший кризис. Пять лет назад нападению обезьян подверглись окраины северных земель, причем самые отдаленные районы, пролегающие у края гор. Лишь немногим военным довелось почуять запах крови и содрогнуться от вида разбросанных по земле костей и засоленных тел соплеменников. Да и в прошлом году, когда обезьяны похитили воспитанника Кэйсоин, возвращать его отправился сам молодой господин с группой своих телохранителей. Разумеется, военные и сторонники наследника чувствовали, насколько опасны обезьяны, в то время как аристократы плохо осознавали нависшую над ними опасность и действовали на удивление вяло.

С особой неохотой предложение уехать в провинцию восприняла супруга правителя – Госпожа в Лиловом. Именно она сейчас больше всех сопротивлялась и не давала молодому

господину ни капли власти. Она же в один голос с его противниками заявляла, что никогда не подчинится его указаниям, и настаивала, что правитель не должен покидать Тюо и что она останется там вместе с супругом. Поговаривали, будто она боялась, как бы молодой господин не прибрал двор к рукам в ее отсутствие.

Так, в раздумьях и сомнениях было принято половинчатое решение: для начала перебраться на соседнюю гору, во дворец Рёунгу. Юкия как кандидат на штабную должность с первого дня призывал благородных воронов к отъезду в провинцию. Когда его призывы ни к чему не привели, он, хоть и предвидел такой исход, не мог избавиться от сильнейшего разочарования. Впрочем, решение изменить нельзя. Теперь оставалось лишь делать все возможное, готовясь к худшему.

Военные сообщили, что на секретном совещании решено всю гору Рёундзан превратить в крепость. Нужно было привезти к храмам побольше оружия и припасов, собрать людей для охраны периметра. Тех, кто из-за отъезда двора понесет убытки, наймут вместо рабочей силы, мобилизуют и Уринтэн-гун, чтобы строить укрепления.

Вот что происходило на Рёундзан. Пока нельзя было сказать, к худу это или к добру. Юкия всем сердцем желал, чтобы тот момент, когда это станет известно, никогда не настал.

Всю местность вблизи вершины – территорию нового «дворца» – окружила огромная оштукатуренная стена. От главных ворот протянулась широкая дорога, а по обе стороны ее выстроились храмы – поменьше, чем сам Рёуньин. В конце дороги в самом разгаре постройка заслона от нападения обезьян.

Храм Сиондзи, заменивший теперь дворец Окагу, скрывался позади Рёунгу и довольно далеко от хорошей дороги. Его выстроила семья правителя несколько поколений назад, молясь о развитии лечебного дела в Ямаути. Здесь тоже стояло несколько святилищ, однако они представляли собой скромное зрелище по сравнению с Рёуньин и Сиуньин, полностью украшенными великолепной резьбой. На территории дворцов не было ограждений, вместо этого их окружали ухоженные участки с лечебными травами.

Заметив подлетающих Юкию и Сигэмару, охранник жестом пригласил их спуститься. Когда те приземлились во внутреннем дворе и обернулись людьми, их учтиво проводили в комнату, где они увидели хорошо знакомые лица.

– А вот и вы.

– Лечебное саке добыли?

Старший телохранитель Сумио приветствовал их взмахом руки, а Акэру, приближенный молодого господина, привстал, чтобы поздороваться.

Сумио смуглый, маленький и при первом взгляде производит впечатление проказливого мальчишки. На самом же деле эта внешность никак не соответствовала его сущности: этот спокойный по натуре юноша хоть и происходил из простолюдинов – горных воронов, как презрительно называли их благородные, – но обладал выдающимися способностями как в военном деле, так и в науках и окончил Кэйсоин лучше всех на своем курсе.

Акэру, наоборот, мог похвастаться самым что ни на есть благородным происхождением, будучи сыном не просто одного из четырех домов, но отпрыском главной ветви Западного дома. Большие глаза, маленький рот, необычного рыжевато-голубого оттенка волосы – лицом он напоминал утонченную красавицу, однако тоже поступил в Кэйсоин в надежде стать Ямаути-сю. Правда, он не сумел окончить академию и служил приближенным Его Высочества. Несмотря на свое благородное происхождение, Акэру вовсе не презирал Сумио и, даже начав службу у молодого господина, наладил с телохранителем хорошие отношения.

Юкия надеялся прибыть сюда раньше, однако задержался дольше, чем предполагал. Он показал свой сверток.

– Саке при мне, как видите.

– Вы уже навестили госпожу Сакуру? Эх, я тоже хотел с ней встретиться, – с сожалением вымолвил Сигэмару, почесывая макушку. – Хоть бы через ширму пожелать ей выздоровления.

Супруга молодого господина всегда вела себя приветливо с людьми низкого происхождения, что нельзя было назвать обычным для высокородной девицы, и всячески заботилась о них.

– Нет, нас сестрица тоже не пропустила.

– Как так?! Неужели ей так плохо? – Юкия невольно перешел на шепот, но не успел Акэру ответить, как у двери возник чей-то силуэт.

– Не настолько, чтобы вы беспокоились.

Спадающие блестящими волнами красивые волосы рыжеватого оттенка не могли не вызывать восхищение. Перед ними стояла старшая сестра Акэру, главная придворная дама госпожи Сакуры – Масухо-но-сусуки.

Сейчас она носила не такие яркие одеяния, как раньше: видимо, выбирая более подходящие ее статусу, однако не менее утонченные. От внимательного взора не укрылись бы роскошные узоры коутики – белые на нежно-алом.

– Просто усталость накопилась. Вот мы и решили воспользоваться случаем и дать ей отдохнуть.

Когда красавица энергичным шагом вошла в комнату к посетителям, мужчины поспешно выправили осанку.

– Но почему...

– Что «почему»? – Масухо-но-сусуки пристально посмотрела на озадаченного Сигэмару. – Если госпожа Сакура ласкова с вами, не стоит воспринимать это как знак особого расположения. Вы ведь не думаете, что вас пустят в спальню к молодой даме, к тому же супруге вашего же хозяина?! Надо же, какие дерзкие мысли!

С этими словами она почему-то презрительно взглянула на Сумио. Тот под ее острым взором проблеял какие-то оправдания:

– Я ведь уже извинился за это. Просто госпожа Сакура говорила, что не нужно обращать внимание на сословные различия...

– При чем здесь какие-то сословия?! Речь о приличиях в отношениях между мужчинами и женщинами!

Глядя на кипящую Масухо-но-сусуки, Сумио совсем стушевался и умолк. Сигэмару, тоже напуганный, только и мог что повторять извинения. Да и Акэру, видимо уже получивший такой же выговор, сидел с кислым видом, будто набил рот солью.

Вздыхнув про себя, Юкия посмотрел на растерявшихся приятелей и спокойно встал перед Масухо-но-сусуки.

– Госпожа, вы совершенно правы. Мы повели себя неподобающим образом.

Склонив перед дамой голову, он развязал сверток, который держал под мышкой.

– Однако мы тоже беспокоимся о госпоже Сакуре. Поймите нас правильно.

Улыбнувшись, он протянул Масухо-но-сусуки бутылку с настойкой и еще что-то завернутое в красную бумагу:

– Это питательная настойка из Тарухи. И вот еще.

В бумаге оказались сладости: сахарные конфетки в форме цветов сакуры и мелкие изящные карамельки.

– Что это?

– Мы, мужчины, многого не понимаем, и потому дамы сердятся на нас, но вы столько для нас сделали, и мы вам искренне благодарны.

Переводя взгляд с Юкии, который заливался соловьем, на конфеты, Масухо-но-сусуки явно не знала, как ответить.

– Спасибо вам большое, – продолжал тот. – Вам здесь наверняка приходится нелегко, но если что-то понадобится, то обязательно сообщите.

Нерешительно улыбаясь, Масухо-но-сусуки неопределенно качнула головой, не в силах скрыть замешательство:

– Благодарю.

– Бутылка тяжелая, позвольте донести до кладовой, – невозмутимо предложил Юкия, и дама кивнула.

– Будь любезен. А вы подождите здесь, пока не появится молодой господин.

Напоследок она бросила холодный взгляд на Сумио и повела Юкию за собой.

Когда их шаги затихли, Сумио устало вздохнул. Акэру не знал, куда деваться, ощущая напряжение между друзьями. Сигэмару же, наблюдавший за происходящим с недоуменным видом, наивно спросил:

– Господин Сумио! Что вы такого сделали госпоже Масухо-но-сусуки?

Сумио что-то прохрипел, но Акэру с криком «Болван!» треснул Сигэмару по плечу.

– А ну иди сюда. – И, схватив великана за рукав, вытащил его в коридор.

Отойдя достаточно далеко, чтобы их не услышали, Акэру глубоко вздохнул:

– Умоляю, не лезь в это. У меня сердце разрывается, когда поднимается эта тема.

– Извини. А что случилось-то?

Акэру, оглядев коридор, прошептал:

– Только это секрет. Понимаешь, сестрицу и Юкию пытались сосватать.

Сигэмару выпучил глаза.

– Чего?! Первый раз слышу. Неужели это правда?!

– Это хуже кошмарного сна, но да, это правда. Масухо-но-сусуки старше, но ненамного, и положением внук главы Северного дома и дочь Западного вполне равны. К тому же сватовство не состоялось, так что почти никто об этом не знает.

– Когда это случилось?

– Довольно давно. Я еще был в Кэйсоин.

– Я не знал. – Сигэмару помотал головой. – Но почему твоя сестра злится на Сумио?

– Потому что это он предложил Юкию ей в мужья.

Очень многие просили Масухо-но-сусуки – первую красавицу Ямаути – отказаться от пострига и вернуться в мир. Молодой господин и госпожа Сакура тоже желали ей счастья и, выслушав предложение Сумио, сочли его приемлемым.

Однако, когда об этом спросили саму даму, она отказалась, внезапно страшно разгневавшись: «И кто же придумал такую глупость?!» С тех пор Масухо-но-сусуки злилась на Сумио и питала к нему недоверие, а разговоры о сватовстве прекратились, так и не дойдя до «жениха».

Его Высочество с супругой высоко ценили Юкию, но Акэру в глубине души вздохнул с облегчением, узнав, что этот сухарь не станет ему братом. Он ни секунды не сомневался, что этот союз был бы проклят и никому не принес счастья. Однако Сигэмару никак не мог сообразить, в чем дело.

– Не понимаю, что у этих девиц в голове. Почему твоя сестра так рассердилась?

В ответ на такой простодушный вопрос Акэру скривился:

– Так ведь ей пытались предложить в мужья прекрасно всем известного Юкию, даже не спросив ее мнения! Разумеется, она разозлилась!

Сигэмару почесал голову.

– Но ведь он ей нравится.

– Да.

– Обычно люди радуются, когда им предлагают брак с любимым человеком.

– Чего?! – раздался изумленный вопль. – Что за ерунда?! Как тебе в голову могло прийти такое?!

– Так ведь и господин Сумио поэтому предложил Юкию, разве не так?

Потрясенный Акэру потерял дар речи.

* * *

– Так что там на самом деле?

От этого тихого голоса сердце Масухо-но-сусуки подпрыгнуло в груди. Она взглянула на шедшего рядом Юкию. Тот чуть улыбался, но при этом пристально наблюдал за лицом дамы.

– Что значит «на самом деле»?

– Как я понимаю, госпожа Сакура не просто приболела.

Сталь в его мягком голосе говорила о том, что обмануть себя он не позволит. Масухо-но-сусуки хотела отшутиться: мол, что ты такое говоришь, но растерялась и замолчала.

– Я не могу... У меня нет права говорить об этом.

– Ясно. Вот, значит, как...

Юкия не стал настаивать.

– Простите, что осмелился спросить. Хорошо бы госпожа Сакура скорее поправилась.

Металл исчез из его голоса.

Они добрались до кладовой и отдали смотрителю бутылъ. Юкия собрался уже вернуться к остальным, но Масухо-но-сусуки остановила его.

– Подожди. Я тоже кое о чем хотела спросить.

– Конечно, если только я в состоянии буду ответить.

– Почему вы не боретесь с этой ложью?

– С какой ложью?

– С той, которая утверждает, будто проникновение обезьян через гору Тьюо – *возможно, неправда*.

В последнее время среди благородных воронов распространялись очень убедительные слухи о том, что обезьяны на самом деле попали в Ямаути не через Тьюо, а из провинции.

И действительно, пострадали именно поселения у края гор, а врагов за Кин-мон видел только молодой господин да его немногочисленные прислужники. Поговаривали, будто двор опасается объявлять, что обезьяны пришли от внешних границ, чтобы жители с окраин не бежали в Тьюо, поэтому чиновники нарочно вводят народ в заблуждение.

Но Юкия только усмехнулся:

– Какие глупости. Госпожа Масухо-но-сусуки прекрасно знает, что это неправда.

– Вот поэтому я и не могу понять, почему вы позволяете этой лжи распространяться! Ведь многие благородные вороны остались в столице, приняв ложь за правду!

Она сама, услышав о переезде в Рёунгу, недоумевала, почему выбрали место, столь близкое к Тьюо. Мало того, когда воплощение Золотого Ворона и его супруга – те, кто больше всего нуждался в защите, – не уехали в провинцию, а остались во дворце, вся эта безответственная ложь только получила подтверждение.

– Выглядит так, будто правители обманывают народ ради собственной безопасности. Если Его Высочество не разоблачит эту ложь, его репутация будет ухудшаться. Мне кажется, нужно скорее переубедить всех.

Юкия чуть скривил губы.

– Вы совершенно правы и, как всегда, проницательны.

При этом голос его звучал сухо.

– Благодарю за предупреждение. Однако это предположение истинно, поэтому прошу вас действовать сообразно ему.

Масухо-но-сусуки не поверила своим ушам, но ответить не успела: поклонившись, Юкия отвернулся от нее и ушел.

* * *

– Что, опять Масухо-но-сусуки накричала на бедного Сумио? Я слышала. – Когда открылась дверь, госпожа Сакура улыбалась, не вставая с постели.

Надзукихико ожидал, что состояние супруги не настолько плохо, раз она пригласила мужа навестить ее, но все равно почувствовал облегчение, увидев, что она в силах смеяться.

В комнате Хамаю хоть шаром покати. Она никогда не имела много вещей, но эта комната выглядела слишком уж скромно для жилища супруги будущего правителя. Единственный предмет мебели – приподнятая на платформе постель с балдахином – придавал помещению несообразный вид.

– Акэру тоже досталось. Масухо-но-сусуки возмущалась, что они надеялись попасть в твою спальню, – мягко ответил молодой господин, и Хамаю, засмеявшись, привстала.

– Бедняги.

Надзукихико протянул руку, чтобы поддержать супругу, но она отказалась:

– Не надо.

Он сел у ее постели.

Хамаю выглядела лучше, чем он ожидал, но все же сильно похудела, да и цвет кожи говорил о нездоровье.

Резкие черты лица, высокий рост, почти как у молодого господина, и нарочито грубоватая речь – даже не скажешь, что благородная девица. Обычно это она подбадривала мужа, оттого сейчас ее уязвимый вид казался лишь трогательнее.

– Тебе можно вставать?

– Да. Извини, что вынудила прийти ко мне.

После ее переезда в Сиондзи они редко виделись, так как супруг был постоянно занят, поэтому последний раз беседовали вот так, с глазу на глаз, довольно давно.

– Не перенапрягайся. Мне бы не хотелось, чтобы тебе стало хуже.

Хамаю радостно улыбнулась, что бывало нечасто:

– Когда ты так говоришь, я понимаю, как мне повезло.

Вдруг улыбка исчезла с ее губ, и она серьезно взглянула на Надзукихико:

– Что при дворе?

– Все как обычно.

Это означало, что проблем, как всегда, множество, но ничего достойного упоминания не случилось. Хамаю поняла, что хотел сказать супруг, и кивнула.

– Кстати, Надзукихико. Когда ты собираешься взять себе наложницу?

Тот моргнул. Но девушка спокойно смотрела на него.

– Лучше бы после восшествия на престол.

– Будешь ждать, пока не покончишь с обезьянами? Но ведь неизвестно, когда это случится.

– Кажется, у штаба готов план. Если пойму, что дело затягивается, тогда еще раз подумаю об этом.

– Думай быстрее и пораньше сообщи мне, что решишь.

Ее настойчивость озадачила Надзукихико. Они уже не в первый раз обсуждали эту тему. Хамаю считала, что наложница нужна, Надзукихико отговаривался: мол, не сейчас – и часто они так и не приходили к единому мнению. Однако такой требовательности в голосе Хамаю он еще не замечал. Молодой господин почти бессознательно сжал руку супруги, пытаясь понять, о чем она думает.

Хамаю горько улыбнулась:

– Прости, Надзукихико. У меня не вышло.

Эти скупые слова объяснили ему, что причиной недомогания стал он сам.

– Был ребенок?

– Да.

Какая жестокая ирония: он узнал о том, что жена понесла, только после того, как она потеряла дитя.

Через некоторое время после зачатия в организме ятагарасу начинает формироваться скорлупа. Тогда тело, готовясь к кладке, естественным образом стремится вернуться в птичий облик, чем сигнализирует о хорошем развитии беременности. Однако в редких случаях скорлупа, которая должна была оберегать новую жизнь, так и не появлялась.

– Я удивлялась, почему ежемесячное недомогание проходит так тяжело, а это оказалось дитя, которое я не смогла выносить... – Хамаю вздохнула и потерла лоб.

Другую руку крепко сжимал Надзукихико.

– Сказался переезд из Окагу?

– Нет, к сожалению, врачи считают, что мой организм просто неспособен на это.

Масухо-но-сусуки волновалась больше своей госпожи, поэтому призвала не только придворного лекаря, но и знаменитую в Тью повитуху, однако все дали один и тот же ответ: не помогут ни лекарства, ни иглы. Все в один голос утверждали, что в таких случаях в прошлом не было ни одного примера, чтобы женщина позже снесла здоровое яйцо.

Это не болезнь, не травма. Просто тело Хамаю с рождения не обладало способностью уберечь свое дитя.

– Я сама сейчас полностью здорова, разве что обескровлена. Но родить тебе ребенка я не могу. Ты должен взять наложницу.

Видя, как спокойно, без следа скорби рассуждает его супруг, Надзукихико проглотил готовые слететь с языка слова.

– Хорошо. Раз так, то серьезно подумая над этим.

– Я буду довольна, если ты прислушаешься. Для того и звала тебя, чтобы самой сообщить эту новость, – сказала Хамаю. – А еще я просто рада тебя видеть.

И она искренне улыбнулась.

Они успели поболтать еще о всяких мелочах, пока не пришла Масухо-но-сусуки сообщить о том, что время визита истекло.

– Надзукихико, – позвала она его чуть ослабевшим голосом, когда он уже собрался уходить.

Он обернулся, и Хамаю тихо сказала:

– Прости.

Ее супруг резко покачал головой.

– Тебе совершенно не за что просить прощения. Это ты прости меня, что ничем не смог тебе помочь в такое трудное время. Поправляйся и ни о чем больше не думай.

Хамаю молча кивнула.

* * *

Тихая выглядел серьезно, но на самом деле всего лишь рассеянно разглядывал Кин-мон.

Когда-то помещение перед воротами производило величавое и торжественное впечатление. Здесь стояли гробы предыдущих Золотых Воронов, и по окаменевшему дереву струилась с тихим журчанием чистая вода.

Тихая, который происходил из горных воронов и с детства привык к презрению благородных, ничуть не впечатляли пышные дворцовые постройки, однако здесь, перед Кин-мон, он ощущал что-то такое, что заставляло его с достоинством выпрямиться. Теперь же у ворот

поднялась уродливая стена и даже появилась сторожевая башня, откуда нападающих можно было через бойницы осыпать стрелами.

Это место выглядело скорее напыщенно, чем умиротворяюще, да и торжественным его теперь не назовешь: слишком уж много вокруг суеты. Пока Тихая раздумывал над тем, как здесь все изменилось, у входа появилось знакомое лицо.

– Итирю из Ямаути-сю и старший жрец прибыли на замену! – отчетливо представился один из пришедших, и Тихая слегка кивнул ему в ответ.

– У нас все без изменений. Ничего не происходило.

Один из священников неподалеку подтвердил его слова и поменялся местами со старшим.

Поскольку верховный жрец Белый Ворон плохо себя чувствовал, обороной Кин-мон занялся старший жрец. Худощавый мужчина за сорок, лицо всегда сосредоточенное. Он с молодых лет стал священником и, поговаривали, так ревностно выполнял обязанности, что ему доверял сам Белый Ворон. Однако Тихая он казался выходцем из благородных, не встречавшим на своем пути сложностей, так что в трудную минуту на него нельзя было положиться.

О том, что за воротами Кин-мон обитают обезьяны, которые с удовольствием пожирают ятагарасу, стало известно ровно год назад. Считалось, что Золотой Ворон – старейшина ятагарасу – наследует память всех поколений своих предков. У молодого господина, нынешнего Золотого Ворона, с унаследованием памяти что-то пошло не так, и священники, которые придавали этому большое значение, противились его восшествию на престол. Однако после похищения воспитанника Кэйсоин, которое случилось год назад, наследник частично вспомнил, как погиб предыдущий истинный Золотой Ворон – Наричухико, правивший сто лет назад. Оказалось, что он пожертвовал жизнью, чтобы запечатать Кин-мон.

Молодой господин догадывался, что Наричухико страшно испугался чего-то по ту сторону ворот, на священной земле. Учítывая, что они сами увидели там год назад, это наверняка были обезьяны. И Тихая своими глазами убедился в том, насколько они опасны, тоже отправившись тогда за похищенным кохаем.

Обезьяна, которая украла мальчика, назвалась Кодзару – «обезьянка». Его целью было выманить молодого господина и заставить его отпереть Кин-мон. Отряд наследника попался на эту удочку и, хотя вернулся целым и невредимым, все-таки открыл запретные ворота между Ямаути и священными землями.

С тех пор у ворот поставили недремлющую стражу и подготовились дать отпор врагу, если он нарушит границу. Много лет ворота стерегли жрецы, теперь же к ним присоединились вооруженные Ямаути-сю. Ворота постоянно сторожили и те и другие: один – от духовенства, другой – доверенное лицо молодого господина.

Наконец-то Тихая сможет отдохнуть, впервые за семь дней. Юноша тихонько вздохнул, и проходящий мимо Итирю дружески хлопнул его по плечу:

– Спасибо за службу.

В Кэйсоин Итирю был на курс старше. Он оказался заботливым сэмпаям и способным воспитанником. Юкия, с которым они вместе росли, поддразнивал его, сравнивая лицо Итирю с только что выкопанной картошкой, но юноша разве что глядел свирепо, а лицо – самое обычное.

Правда, из-за любви к показухе вкус в одежде у него был ужасен. Мало того, родился он, видимо, под «звездой нерешительности»: в нужный момент никогда не мог принять четкого решения, и все кохаи единодушно отказывались искренне уважать такого сэмпая.

Тихая и сам не испытывал особенного уважения к Итирю, однако тот упрямо продолжал обращаться с ним как с младшим.

– Юкия и остальные отправились навестить госпожу Сакуру, а ты не пойдешь?

– Нет.

Вообще-то он договорился встретиться с сестренкой, которая жила в западных землях, но он вовсе не обязан это никому объяснять. Без лишних слов повернувшись спиной к Итирю, он уже собрался уходить, как вдруг раздался страшный грохот, словно обвалилось что-то очень тяжелое.

* * *

Надзукихико рассеянно оглядывал Ямаути из-за спины своего коня по дороге от Сиондзи к Сёёгу. Его сердце так и осталось в той комнате, где он беседовал с супругой.

С неба падали белые хлопья. Все казалось таким странным. Как старейшине ятагарасу, как истинному Золотому Ворону ему всегда было до боли грустно думать о том, как эфемерна жизнь племени, что находилось под его защитой. Но сейчас речь шла о жизни его первенца, которого он потерял, не успев порадоваться его появлению.

Смерть собственного ребенка он ощущал совершенно так же, как смерть любого другого ятагарасу, и это делало чувство безвкусным, как бумага. Он не мог даже понять, вызывало ли это у него досаду или раздражение. Надзукихико шептал себе, что для истинного Золотого Ворона нет другого пути, и все равно отчетливо осознавал, что испытывать такие чувства неправильно. Опечалилось бы дитя, узнав, каков его отец?

Пока он предавался бесполезным размышлениям, вдали вдруг послышался плач младенца. Сначала Надзукихико решил, что тоже услышал его в своих мыслях. Однако, когда поднял взгляд, все тело пронзило неприятное предчувствие, и он понял: это не что иное, как предчувствие истинного Золотого Ворона.

– Ваше Высочество? Что с вами? – с подозрением спросил летевший рядом Акэру.

Как только молодой господин повернулся к нему, всю страну охватил единый звук. Раздался шум, похожий на чей-то крик. Непонятно, чей это был голос, и неясно, откуда он доносился. Но пронизывающий все тело вопль агонии безжалостно прокатился в тот миг по небу и земле, по озерам и долинам, разразился в ушах каждого ворона. Кони, не выдержав его, перепугались, остановились, захлопали крыльями, а Акэру и Сумио зажали уши руками.

Пространство искривилось, и поднялся странный ветер, будто взбалтывая мутный воздух. И тут затряслась земля, словно отвечая на звук. Невнятный шум сменился гулом. Снизу вздымалась почва, будто под ней билось нечто огромное и гигантские невидимые руки разрывали ее, отчего повсюду побежали трещины. Из черных разломов поднимались клубы пыли, до всадников донеслась вонь горелой глины. Тряслись горы, обваливались скалы, здания рушились так легко, будто были сделаны из бумаги. Усадьбы аристократов на платформах и галереи между ними – все срывалось вниз, как детские игрушки. Вдали виднелись выбегавшие из домов люди в нарядных кимоно, они летели с обрывов, словно лепестки цветов, и пропасть жадно поглощала их одного за другим.

– Перестань! – закричал Надзукихико, сам не понимая кому.

И тут вдруг, словно услышав его, грохот прекратился. Наступила неестественная тишина. Еле-еле достигали их слуха вопли и крики людей, но громкие звуки пропали, и земля тоже больше не тряслась.

– Закончилось? – хрипло спросил Акэру.

В тот же миг Сумио завопил:

– Сверху!

Трещины прошли не только по земле, но и *по небу*. По пасмурному небу пробежали бесчисленные черные линии – иначе как трещинами их нельзя было назвать.

Да что же это?! Что происходит?! Надзукихико ничего не понимал, однако, ощутив знакомое сильнейшее чувство опьянения и известный ему запах внешнего мира, содрогнулся.

В барьере, защищавшем Ямаути, возникла *прореха*. Ее нельзя было сравнить с теми, что он наблюдал прежде. Если так пойдет дальше, разрушится вся Ямаути.

– Сумио! Лук! – крикнул Надзукихико. – Я попробую залатать прорехи. Пусть привезут стрелы и лук на замену. Вызывай Уринтэн-гун и спасай горожан. Акэру, лети к Ямаути-сю. Пусть помогут священники, перекройте подходы к трещинам. Не давайте людям к ним приближаться. Тот, кто попадет в прореху, больше не вернется. Скорее!

Сумио и Акэру без лишних споров развернули коней. Надзукихико начал натягивать лозу на переброшенный ему лук, а Юкия и Сигэмару в птичьей облике, ожидая приказаний, кружили рядом.

– За мной!

Надзукихико поправил колчан и изо всех сил пришпорил коня, направив его вверх. То место, где змеились трещины, было словно оплетено черной паутиной. Грозные тени продолжали пожирать мир вокруг.

Ему еще не приходилось латать прорехи в небесах, и все же... выбирать не приходилось! Словно молясь богу, он посмотрел над собой и пустил стрелу как можно дальше. Та мгновенно скрылась из глаз, но тут же раздался звенящий звук, словно наконечник ударил в хрусталь, и вдоль черной тени протянулся светло-лиловый луч.

Надзукихико почувствовал, как кровь стынет в жилах. В глазах на миг потемнело, и вдруг лиловый луч расширился, заполняя трещину, и черный след исчез.

Получилось! Не дожидаясь, пока пропадут все черные линии в небе, он направил коня вниз. Тут и там виднелись обвалы и оползни, и красноватые обрывы продолжали осыпаться. Однако его больше пугали бездонные черные пустоты в глубине трещин. С ними было что-то не так.

Он запустил стрелу в первую попавшуюся цель. Стрела воткнулась в центр тьмы, и из нее яростно полезли ярко-зеленые лозы. Свежие побеги покрыли трещину, словно раскинутый невод, а когда их движение прекратилось, в мгновение ока расцвели кисти глицинии. Надзукихико показалось, что запах внешнего мира сразу ослаб, однако с каждым распустившимся цветком он чувствовал, как холодеет тело.

Молодой господин обмотал вокруг себя вожжи, чтобы удержаться на коне, при этом его била крупная дрожь, и руки ослабли. Когда стрелы кончились, он увидел кровь на левой руке: видимо, оттого, что не надел защиту. Но дело еще не закончено. Кругом зияли прорехи.

– Ваше Высочество! – донесся голос издалека.

Он обернулся: к нему летели Ямаути-сю с колчанами.

– Каковы повреждения?

– Упал мост у ворот Тюо-мон. Верхние усадьбы и призамковый город разрушены почти полностью.

– Уринтэн-гун выкапывают пострадавших из-под завалов, но из-за трещин к некоторым местам сложно подобраться.

Руки ничего не чувствовали, и все же он с силой натянул лук.

– Сначала летим к самым глубоким трещинам. Быстро, проводите меня.

– Есть!

– Первым делом к воротам.

Когда они поворачивали коней, раздалось громкое карканье. Со страшной скоростью от дворца к ним неслись ворон. По его ленте они поняли, что это Ямаути-сю. Он обернулся человеком, ухватившись за спину, подставленную товарищем-птицей.

Принявший человеческий облик гвардеец с бледным лицом прокричал:

– Докладываю! Происшествие у запретных ворот!

* * *

У Кин-мон, словно отвечая на вопль, необычно сильно затрясся пол и обнаженная поверхность скалы. Заграждение начало разрушаться, упала и часть башни. Воины испуганно отскочили, закрывая головы, когда со стены с грохотом посыпались камни. После того как толчки прекратились и шум стих, все еще казалось, что земля продолжает качаться.

– Что это было? – растерянно пробормотал старший жрец, рухнувший на колени и побоявшийся подняться, но ни Тихая, ни Итирю не нашел времени ему ответить.

– Зови Его Высочество! Скажи, что у запретных ворот что-то произошло!

Один из новеньких Ямаути-сю бросился исполнять поручение.

– Раненые, отойдите. Те, кто не ранен, не выпускайте оружие из рук!

Сэмпай старался привести потрясенных воинов в чувство, а Тихая тем временем изучал повреждения в барьере.

– Итирю! Посмотри-ка! – показал он.

С обеих сторон у заграждения отвалилось по большому куску – там, где стена соприкасалась с гробами, из которых текла вода.

– Ну и дела. Это придется чинить.

Подскочивший Итирю указал подбородком на ворота:

– А еще священная земля...

К их ужасу, звук раздавался *с той стороны Кин-мон*.

– Что будем делать?

– Что делать... Ты меня спрашиваешь?! – растерялся Итирю и бросил взгляд на заслон. – Для ремонта нужны каменщики, а запереть ворота как-то должен Его Высочество...

Несмотря на потрясение, он говорил разумные вещи. Сейчас они могли сделать очень немного: оттащить в сторону обломки и расчистить пол, чтобы не мешать воинам, да еще попробовать восстановить чуть не рухнувшую башню.

Кивнув друг другу, они стали давать указания воинам.

– Лучники, оружие не убирать, продолжать наблюдение. Все внимание на Кин-мон.

– Раненые, кто не может держать оружие, уходите. Легко раненные, проверьте, что происходит снаружи. Кто без луков, убирайте камни. Постарайтесь хотя бы освободить бойницы.

Пока они пытались починить бамбуковый каркас, вернулся Ямаути-сю, которого отпраздновали с докладом.

– Его Высочество молодой господин прибыл!

Не успели прозвучать эти слова, как в помещение быстро вошли сначала Юкия и Сигэмару, а за ними – молодой господин в сопровождении еще нескольких Ямаути-сю.

– Что с воротами?

– Во время землетрясения с той стороны раздавался ужасный шум. Но сейчас все стихло, ничего особенно не происходит, – начал было докладывать Итирю, как послышался лязг, будто ударили чем-то тяжелым и металлическим. Звук доносился из-за ворот.

Тихая тут же подскочил к разрушенному заграждению и увидел, как сами по себе, медленно, с глухим скрипом открываются створки. За ними находилась большая черная тень. Она стояла на двух ногах, но ее гигантский размер не позволял принять пришельца за человека. Все тело существа было покрыто шерстью, а на морщинистом лице ярко сверкали желтые глаза.

– Обезьяна! – При крике Тихая все, кто находился перед воротами, застыли в напряжении.

– Лучники, арбалетчики, занять позиции, приготовиться! – скомандовал Юкия, и воины поспешили вернуться на свои места.

Не успели они встать на позиции, на верх разрушенного укрепления взбежал молодой господин и нацелил свой лук на обезьяну. Та тоже его заметила. До сих пор она равнодушно смотрела на открывшуюся дверь, однако теперь, переведя взгляд на наследника на вершине стены, чуть заметно прищурилась. На ее лице, кажется, появилась улыбка, но молодой господин без колебаний выпустил в нее стрелу.

Стрела полетела прямо... однако в зверя не попала, ударив словно бы в прозрачную стену и застыв в воздухе примерно за полкэн до обезьяны. Мало того, она тут же вспыхнула огнем.

– Ваше Высочество! Командуйте! – закричал подскочивший к хозяину Юкия. Тот же замер, даже не опустил рук, и уставился на обезьяну.

Тихая удивился: это было совсем не похоже на молодого господина. И все-таки раздумывать совсем нет времени.

На полу валялось пять арбалетов. Уцелевших лучников – двадцать с небольшим. По счастью, арбалеты оказались не повреждены и бамбуковые упоры для ног тоже остались почти целы. Выжившие воины ждали на позициях.

Юкия с Тихаей переглянулись. На принятие решения ушло одно мгновение.

– Пли! – крикнул Юкия вместо молодого господина.

В тот же миг градом посыпались, полетели в обезьяну с огромной скоростью тонкие стрелы из луков и толстые – из арбалетов. Однако и эти несколько десятков выпущенных одновременно стрел не долетели до цели. Лучники изумленно вскрикнули, глядя на пылающие в воздухе древки, а Юкия снова приказал:

– Не отступать! На позиции!

Не успел он крикнуть, как стрелки с воплями побросали свое оружие: оно тоже вспыхнуло, и пламя лизало тетиву.

Юкия прищелкнул языком, вынул меч и спрыгнул со стены. За ним последовал Тихая. В спину им кричал что-то Итирю, пытаясь остановить, но они не обернулись.

Юкия рванулся вперед, выставив меч, рядом с ним пытался с размаху ударить по обезьяне Тихая, однако у обоих лезвия с лязгом наткнулись на что-то, так и не коснувшись тела врага. Тихая почувствовал удар о что-то твердое, не пускавшее его дальше.

– Ну и ну, вот так приветствие... – Обезьяна свободно заговорила на языке воронов Ямаути.

Раздосадованный Тихая вдруг почувствовал острую боль и невольно выронил меч. Следом оружие бросил и Юкия, отпрыгнув подальше от врага. Тихая изумленно глядел на меч, который он только что сжимал в руках. Тщательно ухоженное, блестящее серебром лезвие теперь казалось хрупкой льдинкой в огне. Оно действительно таяло.

Он заметил, что подбежавшие на подмогу воины тоже побросали оружие. Упавшие на пол мечи растворялись, испуская дым, и оставались гореть только ножны и шнуры. Видимо обжегшись, некоторые воины стояли с недоуменными лицами, засунув руки под мышки.

Обезьяна презрительно заявила:

– Болваны. Я действую по приказу *Ямагами-сама*. Скалиться на меня – все равно что скалиться на вашего драгоценного хозяина. Вам не удастся меня ранить.

Она говорила издевательски, смотря куда-то за спины застывших воинов. В бледном лице молодого господина, которого закрыли собой Сигэмару и Итирю, не было ни кровинки.

Обезьяна прищурилась.

– Ну здравствуй, старейшина ятагарасу. Время пришло, и я вернулся за тобой.

Она скривила губы будто в улыбке, обнажив желтоватые клыки.

– Вернулся?

– Именно. Тебя зовет Ямагами-сама. Прекрати бессмысленно сопротивляться и следуй за мной.

Молодой господин молчал, и обезьяна недовольно скривилась.

– Не волнуйся, мы тоже ничего не сможем тебе сделать. Впрочем, если не хочешь подчиняться, мне все равно. – Теперь она действительно весело ухмыльнулась. – Только вот не знаю, что тогда с вами произойдет.

Чудовище умолкло и в ожидании скрестило руки на груди, словно показывая, что больше не собирается ничего говорить. Воцарилось напряженное молчание.

Сигэмару, не отрывая взгляда от врага, спросил:

– Ваше Высочество?

Молодой господин медленно оглядел присутствующих. Он постоял, плотно сжав губы, и его лицо покрылось каплями пота.

– Хорошо. Мы пойдем за тобой.

Пройдя через ворота, Надзукихико отчетливо почувствовал, как изменился воздух. На миг он ощутил давление на уши, точно погрузился в воду, а когда это впечатление прошло, воздух стал мутным и как будто липким – одновременно прохладным и тепловатым.

Помещение по ту сторону ворот опутывала высохшая лоза. Далее тянулся проход, свободно вмещавший гигантскую обезьяну. Тоннель явно не возник естественным путем, его вырубили в скале. В нем было темно и влажно, во мраке нет-нет да и сверкнул желтым обезьяньи глаза. Как и сказало чудовище, все они только смотрели на пришельцев, не пытаясь ничего сделать.

За молодым господином шагали Юкия и Тихая. Больше никому пойти не позволили. Итирю и Сигэмару попытались настоять, но обезьяна была непреклонна, да и сам Надзукихико запретил им приближаться.

С того самого момента, как он выпустил во врага стрелу, что-то пошло не так. Он чувствовал себя гораздо более истощенным, чем когда латал прорехи. Это походило на малокровие, только ощущение, что из него высосали все жизненные силы, было гораздо интенсивнее, его тело словно перестало ему принадлежать. Но больше всего ужасало чувство, что в тот миг, когда стрела вылетела из его рук, на него кто-то с укором посмотрел.

«Зря я это», – промелькнуло у него в голове.

Все инстинкты Золотого Ворона беспрестанно били в набат. Он сделал что-то недозволенное перед лицом того, кто был гораздо больше и страшнее его самого.

Дело не в том, что его стрела не достигла обезьяны, а оружие его подчиненных растаяло. Напрасно он своими действиями показал готовность напасть, сопротивляться.

«Так нас всех убьют. Надо как-то объясниться».

Надзукихико, все так же ничего не понимая, ощутил страх, которого не испытывал никогда в жизни. Пока обезьяна вела их куда-то, он беспрестанно дрожал, словно напуганный маленький мальчик.

Неожиданно холод, который он почувствовал сначала, исчез, воздух стал отчетливо гуще и теплее. Тепло было каким-то неприятным и пахло кровью. И этот запах, от которого к горлу подступала тошнота, становился все сильнее. По мере того как они приближались к источнику запаха, оттуда слышался какой-то чавкающий звук.

В глубине пещеры, в раскрывшей перед ними свою черную пасть тьме находилось *оно*.

Несмотря на отсутствие света, картина постепенно выступала из мрака, будто окружение светилось само.

Сначала в глаза бросилась какая-то темная жидкость, растекшаяся по голому камню. Он понял, что это кровь, не по цвету, а по запаху. В центре пятна виднелось что-то белое – руки и ноги лежащей женщины.

На него смотрело искаженное ужасом лицо мертвой девушки. Раскиданные в беспорядке длинные волосы, разорванное кимоно, разбросанные рядом внутренности. Тело, еще недавно

принадлежавшее человеку, теперь, когда его покинула душа, притворялось неодушевленным предметом.

На теле что-то копошилось. Ему показалось, будто это обезьяна. Маленькая обезьянка. Или чудовище, похожее на нее. Тоненькие, словно веточки, ручки, огромный, торчащий вперед живот. На сгорбленной спине прямой линией выдавались позвонки – так, что их, казалось, можно ухватить пальцами. Обезьяньей шерсти не было, но и человеком это не назовешь – слишком уж по-звериному двигалась фигурка.

С хлюпаньем и присвистом оно вгрызалось клыками в белую женскую кожу, чавкая внутренностями, от которых поднимался пар.

– О драгоценный наш хозяин, наш Ямагами-сама! Я привел ворона.

При звуках голоса обезьяны существо подняло лицо – все в морщинах. Из рта спускалась на подбородок липкая струйка густой крови. Из-под растрепанных, сальных, заляпанных грязью белых волос посмотрели абсолютно круглые глаза. Выпученные глазные яблоки, чуть не вылезающие из впавших глазниц, пристально уставились на Надзукихико.

И это... это чудовище – Ямагами?! Надзукихико не знал, что и думать. В глазах чудовища царил одна чернота, в них не было ни проблеска света.

– Ворон... Это ворон?

После раздражающего молчания прозвучал наконец голос, по-стариковски хриплый и дребезжащий, словно гремучая змея предупреждала об опасности.

– *Давненько* же тебя не было видно!

Голос звучал устало и равнодушно, но в нем явственно слышался гнев.

– Пожалуй, уже лет сто. С тех самых пор, как они закрыли ворота! – спокойно поддакнула обезьяна.

– Точно, точно, – закивало чудовище. – И ты смеешь с наглым видом показываться мне на глаза!

Его злоба, похоже, все нарастала. И, словно отвечая на его гнев, воздух начал насыщаться электричеством. На кончиках волос Надзукихико затрещали искры, и он услышал, как ахнули соратники позади.

Это место явно подвластно чудовищу. Его не одолеть. Впервые в жизни будущим правителем овладело ощущение полного поражения. И в тот же миг он осознал: сто лет назад истинный Золотой Ворон Наричухико испугался не обезьян. Его напугало *это*.

Обезьяна же с явным удовольствием бросилась утешать чудовище так, будто молодого господина здесь нет:

– Ну, ну, не сердитесь так. Сложно ожидать, что он сумеет справиться с работой как следует, но все-таки он необходим.

Утихомирив чудовище, она посмотрела на Надзукихико.

– В последнее время мое племя не справляется с уходом за нашим драгоценным хозяином. Сложно простить твой отказ от своей миссии и побег, но, пользуясь случаем, Ямагами-сама решил позволить тебе *вернуться* на священные земли.

– Что?

– Ты будешь ухаживать за хозяином.

Надзукихико лишился дара речи, а обезьяна ухмылялась:

– Ты должен быть благодарен мне: это я предложил!

Глаза молодого господина встретились с глазами чудовища, которое все это время исподлобья наблюдало за ним.

– Что решил?

Надзукихико ничего не мог сказать. Юкия прошептал:

– Ваше Высочество, только не спешите.

– Если не хочешь, так и скажи. Мне все равно. Однако...

Чудовище не договорило, но Надзукихико показалось, что перед глазами с треском разлетелись искры.

– Бесплезные слуги мне не нужны.

И в следующий миг все побелело и тело пронзила острая боль, будто в мозг кто-то запустил отточенные когти. Хотя он больше испугался не за себя: сзади кто-то закричал гораздо громче, чем он сам. Молодой господин обернулся и увидел своих подчиненных, которые, обхватив головы руками, с воплями катались по земле.

– Юкия! Тихая!

Он подскочил к юношам и коснулся их голов, направив свои силы – так же, как при латании прорех, но ничего не изменилось, напротив, их крики стали только громче. Сколько он ни старался, ничего не происходило. Надзукихико был потрясен.

– Ну, что будешь делать, ворон? – спросила обезьяна, пугая его еще больше.

Чудовище же, не моргая, смотрело на него широко вытаращенными глазами.

– Могу прямо сейчас уничтожить все ваше гнездо целиком. Мне это под силу! – Оно словно дразнило молодого господина.

И тут же, будто в ответ на его слова, раздался подземный гул, и земля закачалась. В едва соображавшей голове промелькнула мысль: «Значит, землетрясение в Ямаути – это его рук дело!»

Лоб Надзукихико покрылся холодным потом. Что они замышляют? Что будет, если он пообещает прислуживать божеству? Что случится с Ямаути, с ятагарасу?

– Не смейте! – видимо заметив колебания хозяина, выдавил из себя Юкия.

Из его носа текла ярко-красная струйка крови. Когда Надзукихико увидел это, в нем словно сломалось что-то важное. Он рухнул на колени и повернулся к чудовищу.

– Я обещаю тебе служить!

– Ух ты!

Боль исчезла.

– Не смейте! – слабым голосом повторил Юкия, уже понимая, что возражать бесполезно.

Надзукихико глубоко вздохнул. В глубине горы, где пахло кровью, старейшина ятагарасу взглянул на чудовище, назвавшее себя богом, и низко поклонился.

– Мы, ятагарасу, будем служить тебе, Ямагами-сама.

Глава вторая. Обвинение

Мир был окутан золотым светом. Маленький братишка громко хохотал. Он неуверенно стоял на новеньких татами, ухватившись за чьи-то ноги.

– Смотри, Адзуса! Малыш Ти встал на ножки!

Тогда он понял, что находится в одной из комнат усадьбы наместника, а мужчина, подхвативший Юкити на руки, – его отец.

– Какой ты умничка, малыш Ти!

– Молодец! – радостно хвалит малыша мать, а рядом подпрыгивает старший брат.

Отец, пристально глядя на третьего сына у себя на руках, говорит:

– А ведь Ти очень похож на Юкиму. Будет такой же молодец, как и он!

– А мне кажется, он гораздо упрямее Юкимы. И намного больше похож на тебя, чем на меня, – улыбнулась мать.

– Думаешь? – Отец тоже расплылся в улыбке.

– А я, а я? – К ним подбежал Юкия и ухватил отца за штанину хакама.

Улыбка мгновенно исчезла с лица мужчины.

– А ты ни на кого не похож.

– Что?! – поник мальчик.

Пространство, залитое ярким светом, вдруг померкло. Стало холодно. Подул стылый зимний ветер. Мать и братья исчезли.

– Батюшка...

Но тот все с тем же каменным лицом оторвал от себя руки испуганного Юкии и ткнул пальцем куда-то ему за спину:

– Ты должен идти туда.

Мальчик почувствовал, что сзади кто-то стоит. Зашлепали по воде ноги. Страшно. Обращиваться не хочется.

Семья покинула его за какой-то краткий миг. Где-то далеко-далеко – очень далеко от него разливалось яркое сияние, и там смеялась мать, Юкима и Юкити, а к ним шагал отец.

– Подождите, батюшка! Не оставляйте меня! – в слезах завопил Юкия, охваченный ужасом.

Отец не оборачивался, да и мать смотрела с улыбкой лишь на Юкиму с Юкити, не замечая, что Юкия совсем один.

– Подождите, подождите! Матушка, матушка-а-а, посмотрите на меня!

В этот миг из-за спины протянулась холодная рука и обхватила Юкию за лицо. Его обдало зловонным дыханием, и совсем рядом с ним проскрежетал чей-то голос:

– Твоя матушка здесь.

* * *

– Господин Юкия?

Он резко открыл глаза и увидел озабоченное лицо склонившегося над ним кохая.

– Это ты, Харума?

– Я. С вами все в порядке? Вы стонали...

– Нет-нет, все хорошо.

Юноша потер лицо и сел. Харума тут же протянул ему бамбуковую флягу с водой. Юкия прополоскал горло и выпил воды. В голове чуть прояснилось.

Они находились в комнате отдыха в Сёёгу. После открытия ворот Кин-мон прошло уже почти три месяца. С того дня небо над Ямаути затянули тучи, и солнце ни разу не выглядывало и не посылало свои лучи на землю. Сильных землетрясений больше не случалось, но растения на полях в провинциях начали гнить.

Везде – и в центре, и в отдаленных районах – появлялись прорехи. Все чаще сообщали об огнях сирануи у края гор, народ охватило ощущение, что границы Ямаути рушатся и страна будет уничтожена.

Обитатели Тью, которым некуда было бежать и негде укрыться, продолжали возводить крепости и перебирались в сравнительно мало пострадавший от стихийного бедствия Рёунгу.

Наследник – единственный, кто умел латать прорехи пространства – не успевал объезжать все места, где требовалась его помощь, а все из-за того, что чудовище, назвавшее себя Ямагами, и днем и ночью беспрестанно посылало за ним.

Изначально речь шла об уходе за хозяином, однако чудовище требовало от молодого господина очень немногого. Оно просто призывало к себе слугу по любому капризу и поливало его бранью. При этом стоило тому чуть опоздать, настроение у чудовища ужасно портилось и Ямаути снова сотрясали небольшие толчки.

Огромная обезьяна, что прислуживала чудовищу, всегда ухмылялась при виде молодого господина. Самому Юкии больше не доводилось ее видеть, но, слушая рассказы хозяина, он никак не мог понять, что обезьяны замышляют.

Территория за воротами называлась священной, и молодой господин лично запретил Юкии сопровождать его туда: говорил, что, если с ним самим что-нибудь случится, тому придется взять на себя командование.

Обычно штабные проводили весь день в выделенной комнате в Кэйсоин. Но Юкия служил также и в Ямаути-сю. Разумеется, когда молодой господин возвращался в Ямаути, ему требовалась охрана, поэтому в перерывах между занятиями по тактике Юкия заглядывал в комнату отдыха в Сёёгу.

Сейчас молодой господин опять составлял компанию чудовищу на священной земле. Юкия хотел поспать до его возвращения, однако сон оказался не из приятных.

Харума – его кохай по Кэйсоин и одновременно преданный подчиненный – покающе склонил голову, извиняясь за то, что разбудил.

– Что-то случилось?

– Прибыл гонец из Мэйкёин. У них есть сообщение для Его Высочества, и вас тоже просят явиться вместе с ним.

– А Его Высочество?

– Еще не вернулся. Господин Сигэмару сказал, что сопроводит его, и предложил вам пока лететь в Мэйкёин. А там вы его смените.

– Ясно. Тогда отправляюсь. Подготовь коня.

– Слушаюсь!

Юкия быстро собрался и вылетел из Сёёгу. Харума проводил его.

Вечер еще не наступил, но небо было темным, а ветер пах сумерками. Внизу он видел еще не восстановленную часть города. Пейзаж выглядел совсем иначе, чем когда он впервые прибыл сюда вместе с отцом. Юкии ужасно надоела навевающая мрачные мысли картина, поэтому он прищипил коня.

Он любил семью и родные места. Войдя в этот мир двадцать лет назад как второй сын наместника Тарухи, что в северных землях, с тех пор он ни разу не усомнился в своем чувстве.

К тому времени, как мальчик осознал себя, он уже понимал, что из трех братьев только у него другая мать: в усадьбе наместника не было недостатка в родичах, которые талдычили, что его нужно отдать в приемную семью, либо судачили о его покойной родительнице.

К счастью, у Юкии была и другая мать, которая воспитала его: Адзуса. Она любила мальчика, ничем не выделяя его среди собственных сыновей, да и ее родные дети – старший и младший братья Юкии – тоже никогда не обращали на это внимания.

Родная мать мальчика, несмотря на слабое здоровье, слыла женщиной резкой и безжалостной. Отец полюбил Адзусу еще до того, как ему просватали другую. И все же та, вызывая к чести семьи, настойчиво хотела родить ребенка. Так она и умерла, не успев даже обнять свое дитя.

Юкия никогда не спрашивал отца напрямую, однако не сомневался, что тот испытывал к его матери сложные чувства. Во сне отец был жесток к сыну, хотя на самом деле почти никогда не показывал, что по-разному относился к своим троем детям.

На его лице читалась любовь, подчиненная долгу, но не искренние чувства. Имей Юкия жалость к себе, вел бы себя иначе, заметив, как смотрит на него отец. Вместо этого он, будто речь шла не о нем, а о ком-то другом, просто рассудил, что это вполне естественно. Мальчик ведь и сам толком не понимал, чего хотела его мать. Не мог решить, то ли он был насмешкой умной женщины, то ли капризом дуры. Одно он знал точно: добродетельной женой его мать не назовешь.

Ему ни разу не доводилось слышать о ней ничего хорошего – ни от служанок, которых она мучила, ни от ее мужа, с которым она прижила дитя. И лишь Адзуса, которой пришлось хуже всех, как ни странно, пыталась ее защищать.

– Я уверена, что твоя матушка больше всех на свете любила тебя. Вот почему ты вырос таким здоровеньким: ведь ты получил двойную порцию любви от двух матерей, от нее и от меня. Правда? – без всякого притворства говорила с улыбкой Адзуса, и Юкия уважал ее больше, чем кого-либо еще.

Она была мудрой женщиной, и ее мудрость проявлялась вовсе не в расчетливости. Здорово, что все ее прекрасные качества унаследовали оба ее сына. Только ему этих качеств не досталось. Это его расстраивало. Но именно поэтому он любил Адзусу и своих двух братьев, как никто их не любил.

С другой стороны, его отец, которым родная мать Юкии вертела как ей угодно, был совершенно заурядным человеком. Наместнику нельзя быть просто добряком. Наоборот, нужна политическая ловкость, которой отцу Юкии недоставало.

В Тарухи он еще мог послужить прекрасным военачальником, но и тут ему не хватало ни твердости характера, чтобы противостоять давлению сверху, ни хитрости, чтобы с ним справиться. Северный дом не всегда бывал дружелюбен с Тарухи, и все же наместник – то ли из-за

своей кротости, то ли из-за простоты – не желал обострять ситуацию. Когда Юкия подрос, он просто диву давался: и как отцу удается выполнять свои обязанности?

Впрочем, в каком-то смысле из всей семьи он лучше всего понимал именно своего отца. Они оба испытывали сложные чувства к дочери Северного дома, настоявшей на своем желании родить Юкию, и оба они искренне любили Адзусу и ее детей. Они ценнее всего на свете, и их нужно защищать. Отец на это не способен, а вот сам Юкия был уверен, что справится.

Он должен вместо отца оберегать любимую семью и свою родину. Ради этого он готов отказаться от чего угодно.

* * *

Юкия летел над скучной, тусклой зеленью, когда впереди показался огромный храм с выложенной белой галькой площадкой – Мэйкёин, монастырь Светлого Зеркала, где служил настоятелем старший брат молодого господина Нацука.

Мэйкёин находился не на Рёундзан, а на горе Тью: на ее западной стороне, ровно под воздушным путем от Оо-мон к Рёундзан. Священники должны были присматривать за воротами Кин-мон, поэтому эту задачу от Рёунгу передали Мэйкёину.

Юкия опустил на платформу и оглянулся, выискивая взглядом, кому доверить коня. Вдруг он заметил фигуры всадников, приближавшихся со стороны Тью. В них юноша узнал молодого господина и Сигэмару. Юкия спешил, передал коня подошедшему слуге и остался подождать хозяина и друга.

– Давно стоишь тут? – приземлившись, спросил молодой господин, и Юкия успокаивающе покачал головой.

– Что вы! Я сам как раз только что прибыл.

Он взял за повод коня хозяина и, бросив взгляд на всадника, чуть скривился. Черные волосы, обычно собранные в крепкий пучок на затылке, теперь падали на лицо и шею. Кожа молодого господина всегда отличалась белизной, но сейчас, даже если учесть плохую погоду, это лицо казалось чересчур бледным.

Вдобавок к высокому росту его отличала тонкая кость, вряд ли можно сказать, что он пышет здоровьем. Со своими длинными ресницами, изящным носом и подбородком, наследник был красив какой-то бесполой красотой. Обычно он держал себя и смотрел на людей так, что это впечатление мгновенно пропадало, а тут при виде бессильно притихшего хозяина Юкия заволновался.

– Если собираетесь упасть в обморок, сначала слезьте с коня.

– Да, действительно, надо поаккуратнее. – Тот шуткой отмел беспокойство слуги и ловко спешил.

Юкия был готов подать ему руку, но с хозяином, казалось, все было в порядке, так что он глазами подал наблюдавшему за ними Сигэмару знак держаться поодаль. Молодой господин тоже отдал коня слуге, и священник проводил их в библиотеку, где уже горел свет.

Книгохранилище в Мэйкёине стояло на каменном подиуме, чтобы воздух не застаивался, а полки висели чуть выше от пола. В отделе для чтения стоял невиданный в Ямаути письменный стол на высоких ножках и стулья – явно из внешнего мира. Там устроились люди, которые вызвали к себе молодого господина.

– Простите, я задержался.

Три человека подняли головы: Нацука, который всех созвал, его телохранитель Рокон и старший жрец.

Нацука, в отличие от изящного младшего брата, имел плотное телосложение. Резкие черты лица были по-мужски красивы, и в последнее время с этого лица не сходила серьезность.

Подрезанные прямо длинные волосы спускались на накидку золотого цвета. Нацука выделялся среди ятагарасу своим высоким ростом и мужественным видом, но Рокон был еще крупнее.

Он также происходил из благородного семейства, хотя создавалось впечатление, будто родился не в том месте. Великолепный орлиный нос, острые клыки, яростно сверкающие глаза хищной птицы, выдающаяся мускулатура, какую нечасто увидишь даже у военных Северного дома, кимоно с гербом в виде золотого круга на красном фоне – вид, совсем неподобающий телохранителю из монастыря Мэйкёин.

Характер у него был под стать внешности: наглый, заносчивый – и это еще мягко сказано. Вот и сейчас он бросил лишь взгляд на прибывших и снова задремал, прислонившись к стене.

Однако Нацука и заместитель министра подскочили подскочили со стульев, как на пружинах, лишь завидев выражение лица молодого господина.

– Ваше Высочество! Вы плохо выглядите!

– Как ты? Надо было предупредить, я бы сам к тебе приехал!

Наскоро произнеся положенные слова приветствия, Нацука быстро подошел к брату.

– Не будем терять времени. Неизвестно, когда меня опять вызовет к себе чудовище, – устало произнес молодой господин.

Юкия прикусил губу. По приказу хозяина Ямаути-сю, сопровождавшие его на священных землях, отдыхали посменно, но сам молодой господин такой возможности не имел. Вернувшись в Ямаути, он в любую свободную минуту спешил латать прорехи. Юкии оставалось только бессильно смотреть, как его хозяин тает день ото дня у него на глазах.

– Садись сюда. – Нацука уступил брату стул, проявляя заботу, которую не оказывал никому другому. Затем, рассмотрев при свете лицо молодого господина, он скривился. – Ты так долго не протянешь. Нет ли способа не ходить на священные земли?

Надзукихико медленно покачал головой:

– Кто знает, что случится, если его рассердить?

Сигэмару, переведя взгляд с одного брата на другого, попытался разрядить тяжелую атмосферу:

– Вы о чем хотели поговорить? Времени нет, давайте быстренько разберемся с делами и отправим Его Высочество отдыхать.

Сидевший рядом с Нацукой старший жрец захлопал глазами и кивнул:

– Да-да, конечно.

Затем он взял со стола какие-то скрепленные вместе листы бумаги и протянул их молодому господину.

– Мы обнаружили дневник священника, написанный сто лет назад.

В прошлом году Кодзару, требовавший от молодого господина открыть Кин-мон, сказал, что когда-то ятагарасу и обезьяны вместе прислуживали Ямагами. С того времени вороны изо всех сил старались выяснить, что же произошло в то время на священной земле.

Нацука и его приближенные узнали, что записей о прошлом осталось на удивление мало. Возникали подозрения: не замешан ли в этом Кагэки – телохранитель, который сто лет назад оставил своего хозяина и один вернулся в Ямаути. Тот самый, что впоследствии стал советником Эйдзю – Желтым Вороном и главой над сотней чиновников. Он создал огромное собрание книг и документов, но многие полагали, что хитрец просто нашел способ подправить имевшиеся тогда материалы, чтобы скрыть собственную ошибку, ведь он не сумел защитить своего господина.

При переезде двора в Рёунгу перевезли и важные документы. В процессе пересматривали многие исторические записи, но заслуживающих внимание находок не сделали.

– Откуда взялся дневник? – спросил Юкия.

Жрец бережно перелистал страницы.

– Он был написан на обратной стороне сшитых в книгу листов, а нашли его, когда реставрировали старые тома. Открыли один – а листы испещрены мелкими, словно рисинки, знаками.

Сто лет назад бумага в Ямаути считалась большой ценностью. Чтобы сэкономить, священники писали на обратной стороне использованных листов и заново собирали их в книги, таким образом используя их повторно.

Нацука скривился:

– Я тоже прочитал – жуткая вещь. Зато теперь мы знаем, почему так мало сохранилось исторических хроник.

– Что ты имеешь в виду? – спросил молодой господин, и Нацука бросил взгляд на дневник.

– Его светлость советник Эйдзю занимался не исправлением старых записей. Он их сжигал.

В то время Эйдзю имел полную власть над двором. Почти все исторические записи, хранившиеся в четырех домах, были доставлены во дворец, чтобы объединить их вместе. Однако «Анналы спокойной горы», ставшие результатом этого объединения, оказались ужасно упрощенными хрониками. Из них совершенно невозможно было узнать, что на самом деле происходило в стране в стародавние времена.

Мало того, четыре тома, доставленные во дворец, так и не вернули обратно. А древние летописи, которые, по записям домов, должны были храниться при дворе, не обнаружили. Теперь стало ясно, что множество книг оказались утеряны.

– Мы ломали головы, куда исчезли ценнейшие древние манускрипты, но... взгляни на это.

Нацука раскрыл дневник в нужном месте.

– Эйдзю с помощью жрецов тайно сжигал книги. Об этом и писал священник, открыто жалуясь на действия его светлости. Тот присутствовал при уничтожении всех книг. Кто пытался украдкой удрать с бумагами, того наказывали на месте, а тех, кто решился протестовать, не в силах наблюдать за такой жестокостью, казнили в назидание другим. Кроме того, Белый ворон – глава священников – тоже не делал попыток остановить его светлость. Если кто-то спрашивал, зачем уничтожать книги, ему отвечали, что для потомков. В конце написано: «Это странно. Наш старший сошел с ума». Возможно, существовали и другие подобные записи, но его светлость проверял все бумаги и уничтожал найденное. Нам повезло, что эти бумаги остались.

Сигэмару, слушая Нацуку, только глазами хлопал.

– Но почему его светлость хотел уничтожить исторические книги?

– Если бы мы только знали, – раздраженно покачал головой старший жрец.

– А вы попробуйте предположить. Что приходит в голову? – спросил молодой господин, оглядывая присутствующих.

Юкия задумчиво почесал подбородок:

– Может, там было что-то невыгодное для него, что он не хотел оставлять. Эйдзю вернулся домой, бросив Золотого Ворона на священной земле. А судя по этому дневнику, в сожжении книг принимал участие и Белый Ворон. Ясно, что на священной земле произошло что-то такое, о чем никто не должен был знать. Если вспомнить доступные для всех записи, видно, что меньше всего там сказано как раз о том, что случилось сто лет назад, и о Ямагами.

Вдобавок ворота Кин-мон и служба на священной земле стали таинством, и о них знают с тех пор лишь немногие посвященные, близкие к Золотому и Белому Воронам. А раз это знание уничтожили по приказу приближенного Золотого Ворона и Белого Ворона, сделать уже ничего нельзя.

Молодой господин медленно проговорил:

– Наричукико боялся того чудища, что живет на священной земле. Поэтому он и запечатал ворота, чтобы защитить племя ятагарасу. Но Эйдзю, которого он отправил домой, в Ямаути, скрыл то, что произошло там. Да еще и собрал все материалы и сжег старые исторические книги...

– Видимо, это происшествие, старые документы и вообще все, что касалось священной земли, – то есть записи о Ямагами – стали для него проблемой, – сделал вывод старший жрец.

Юкия задумался. Ямагами был для воронов исключительно объектом веры, ведь считалось, что Золотой Ворон создал Ямаути по его приказу. От имени всех ятагарасу их правитель должен поклоняться Ямагами и защищать Ямаути, а когда его нет, эту роль выполняют воплощение Золотого Ворона и Белый Ворон.

Сейчас из записей, посвященных Ямагами – то есть тех, что рассказывают о временах создания Ямаути, – остались только «Уложения великой горы» и «Собрание трелей горной страны Ямаути».

Считалось, что «Уложения великой горы» – это разъяснения первого Золотого Ворона о том, какой должна быть страна Ямаути, и записал их служивший ему тогда Белый Ворон. Однако эти записи собрали воедино гораздо позже, и сейчас велись споры о том, можно ли их считать историческими хрониками.

«Собрание трелей горной страны Ямаути» тоже не относили к официальным историческим документам. Его создали примерно в то же время, когда соединили в одну книгу «Уложения». Это сделали вороны, объезжавшие провинции и записавшие местные предания. Они повествуют, что Золотой Ворон вместе с Ямагами привел на эти земли своих четырех детей: старший сын получил надель на востоке, второй сын – на юге, третий – на западе, а четвертый – на севере, что и стало основой четырех домов, однако создание дома Сокэ записи не упоминали. В преданиях четырех домов утверждалось, что предком дома Сокэ также стал один из детей Золотого Ворона, но нигде не указывалось, каким по старшинству ребенком он был.

Во всех книгах обнаруживались незначительные расхождения, но считалось установленным, что у первого Золотого Ворона было пятеро детей. Даже в «Анналах спокойной горы», которые следовали «Уложениям», официальной летописи двора, говорилось о том, что старший ребенок унаследовал главный дом Сокэ, а остальные, начиная со второго сына, основали другие четыре дома.

Так или иначе, официальная история Ямаути утверждала, что Золотой Ворон прибыл на эту землю вместе с Ямагами. Однако нынешний правитель воспринимал божество горы как легенду. В рамках верований ему делали подношения – но и только. Никто не думал, что божество имеет какое-то воплощение. Предполагая, что где-то между внешним миром и Ямаути есть дорога в священные земли, доказывать это не считали нужным, поскольку хватало и связей с тэнгу через ворота Судзаку-мон. Таким образом, Ямагами оставался абсолютно неясной сущностью.

– То есть существование Ямагами было неудобно его светлости? – спросил Сигэмару.

Юкия не мог пропустить эти слова мимо ушей и поднял голову:

– Понимаешь, Сигэ, это не Ямагами, это чудовище, которое так *себя называет*.

Слишком уж его внешний вид отличался от облика почитаемого божества из устных преданий родной страны. Юкия прекрасно помнил, как чудовище пыталось выжечь ему мозги, ту таинственную силу, что мучила его и Тихую болью. Невыносимо уродливое создание, обладающее огромным могуществом, которое заставляло людей повиноваться и направляло Ямаути к гибели.

До глубины души Юкию потрясли его черные глаза, не видевшие в них живых созданий. Именно эти глаза доказывали всю чудовищность той сущности. Никаких сомнений не осталось: обезьяны – враги ятагарасу, а чудовище, именующее себя Ямагами, – предводитель этих убийц.

Юкия с уверенностью посмотрел на молодого господина.

– Я считаю, наш уважаемый предок никак не мог по доброй воле подчиниться этому чудовищу.

– Что ты хочешь сказать?

– Может быть, Ямагами и это чудовище – не одно и то же?

Сигэмару и старший жрец удивленно поджали губы. Нацука, все такой же хмурый, перевел взгляд на брата, который молча слушал Юкию:

– Надзукихико, ты тоже так считаешь?

Тот, все это время рассматривавший свои руки, осторожно заговорил:

– Я, честно говоря, не знаю, тот ли это Ямагами, за которым последовал наш предок, или совершенно иное существо. Но когда я предстал перед ним, сущность Золотого Ворона внутри меня поняла, что сопротивляться ему невозможно. Кроме того, все мы видели, что по одному его капризу в Ямаути случилось землетрясение и многие наши товарищи погибли. По его же воле оружие ятагарасу становится абсолютно непригодным.

Лишь молодому господину удалось пронести на священную землю оружие, в то время как мечи его гвардейцев таяли, словно лед, стоило только вынуть их из ножен.

– Так что чудовище совершенно точно обладает похожей силой. Видимо, можно сказать, что это сила Ямагами.

Воцарилось молчание.

Юкия решил высказать вслух то, о чем уже давно думал:

– А его не могли убить?

Все посмотрели на юношу.

– Кого «его»?

– Того, кого ятагарасу считали горным божеством?

Сигэмару явно не понимал, что друг имеет в виду, но Юкия взглядом остановил его.

– В истории ятагарасу никаких обезьян нет. В реальности же они устроили свое логово на священной земле, и чудовище, которое называют Ямагами, с ними не разлей вода. Кроме того, это страшилище обладает силой Ямагами. Для обезьян он – то самое божество. И отсюда следует только одно: похоже, на гору, где жил Ямагами и ятагарасу, однажды пришли гигантские обезьяны и чудовище.

Жрец вытаращил глаза:

– Ты хочешь сказать, что когда-то существовал бог, которому мы поклонялись, но его место заняли?!

– Да, тогда все сходится. Истинный Золотой Ворон прислуживал Ямагами, вместе с которым прибыл на эту землю, однако сто лет назад сюда вторглись обезьяны под предводительством чудовища и убили нашего бога. А Золотой Ворон пытался уберечь от обезьян хотя бы Ямаути – пусть и ценой собственной жизни. Эйдзю же, стыдясь того, что они не смогли защитить божество, решил удалить все записи об этом. Конечно, я могу только предполагать.

– Но это и самое логичное объяснение, которое у нас сейчас есть. Тогда для обезьян, которые требуют прислуживать Ямагами, никакого противоречия нет.

Жрец, будто успокоившись, закивал, Сигэмару же с сомнением помотал головой:

– Так ведь его светлость когда-то был военным! Разве мог он держать в секрете то, что совсем рядом находится враг?

Нацука согласился с Сигэмару:

– Если существует опасность нападения извне, необходимо быть начеку.

– Возможно, ему и в голову не приходило, что ворота, запечатанные его хозяином ценой собственной жизни, можно открыть? – спросил жрец, глядя на молодого господина.

Воздух буквально зазвенел от напряжения. Действительно, ни обезьяны, ни чудовище не могли сами открыть запечатанные ворота Кин-мон. Вполне вероятно, что Эйдзю, бывший приближенным Нарицухико сто лет назад, знал об этом.

Печать на воротах была прочной. Скорее всего, снять ее разрешалось только по приказу Золотого Ворона. И принял решение об открытии Кин-мон, попавшись на уловку Кодзару, сам молодой господин.

Среди воцарившегося молчания наследник закрыл глаза, словно от нестерпимой боли. Теперь он сильно раскаивался в том, что без нужды открыл запретные ворота. Однако, если все эти предположения были верны, оставалась и надежда.

– Если тот, кто уничтожит Ямагами, становится следующим Ямагами, нужно только убить чудовище, и все разрешится. Ваше Высочество! – воззвал к хозяину Юкия с совершенно очевидным намерением. – Если вы хотите защитить Ямаути, остается лишь одно.

Молодой господин хмыкнул с улыбкой.

– И ты хочешь сказать, что это под силу только мне, верно?

– Да. *Вам* нужно убить его и стать новым божеством, – мгновенно откликнулся Юкия, готовый следовать за хозяином даже в подземное царство.

Мечи Ямаути-сю тают. Немногие могут пронести оружие на священную землю. Из всех ятагарасу только истинный Золотой Ворон способен стать Ямагами. А когда чудовище падет и некому будет воспользоваться этой ужасной силой, останется лишь схватиться с обезьянами. В этом случае шанс на победу есть.

Надзукихико, глядя Юкии в глаза, чуть заметно вздохнул:

– Мы еще многого не знаем о связи между священными землями, Ямагами и Ямаути. Не стоит бросаться на единственный путь, нужно аккуратно разведать, нет ли других возможностей.

– Пожалуй. Лучше не спешить. – Нацука, который наблюдал за диалогом затаив дыхание, явно расслабился.

– И все же... – продолжил молодой господин с печальной улыбкой, – если другого пути не останется, тогда пройдем его до конца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.